

ворящий — тогда это высказывание воспринимается как просьба, если слушающий — как совет.

При анализе диалога обнаружили и такие случаи, когда говорящий выражает свою просьбу в форме мольбы, которая указывает на более высокий статус адресата и отсутствие ожидания говорящим выполнения просьбы, хотя в действительности последний уверен, что его просьба не будет отклонена, так как она незначительна.

В заключение отметим, что анализ языковых средств для выражения просьбы как типового речевого действия показывает, что выбор их зависит от ситуаций общения, в центре которых находятся говорящий и адресат, наделенные различным социальным статусом и ролевыми функциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ervin-Tripp S. M. Wait for me, Roller-Skate // *Language in Society*. 1976. P. 165—186.
2. Leech G., Svartvik J. *A communicative grammar of English*. L., 1975. P. 147.
3. Здесь и далее примеры из художественных произведений: O'Connon F. *Short stories*. M., 1980; Christie A. *The mystery of Kings Abbot*. M., 1980.
4. Gordon D., Lakoff G. *Conversational postulates* // *Syntax and semantics*. N.Y., 1975. V. 3. P. 83—105.
5. Green G. M. *How to get people to do things with words* // *Some new directions in linguistics*. Wash., 1975. P. 51.
6. Dillon G. L. *Introduction to contemporary linguistic semantics*. Englewood Cliffs, 1977.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

Н. Н. ПЕТРОВА

Нижнетагильский пединститут

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Раскрываются элементы модальной семантики с использованием понятия «возможный мир», анализируются пространственно-временные отношения в поэтическом тексте.

Поэтический текст представляет собой особую форму речевой коммуникации, что связано прежде всего со спецификой условий коммуникации и ролевых характеристик ее участников. В числе особенностей акта поэтического речетворчества следует назвать сложную структуру референции и поэтического сообщ-

щения, особое положение речевого субъекта и адресата и, конечно, особый характер поэтического языкового кода. Кроме того, в художественном тексте как разновидности жанра письменной речи все средства устной коммуникации приобретают иной функциональный статус.

Своеобразие субъекта и адресата в лирической поэзии обуславливает важную роль для данной разновидности художественного текста различных форм речевого диалога: обращения, повелительного наклонения, вопроса и т. д. Под влиянием сложного, опосредованного характера текстовой референции, которая приводит к расширению адресата, референтной области и контекстуальной неоднозначности, функции этих форм речевого диалога также преобразуются и усложняются.

В данной работе предполагается рассмотреть одну из форм речевого диалога, отличающуюся особой синтаксической организацией и коммуникативной установкой, — вопросительное предложение. Из всего многообразия проблематики эротетических (вопросительных) структур особый интерес представляет роль синтаксического и семантического аспектов вопроса в организации хронотопной структуры поэтического текста. Под хронотопом, вслед за М. М. Бахтиным, мы понимаем «существенную взаимосвязь пространственно-временных отношений, художественно освоенную в литературе (что значит в дословном переводе «времяпространство») [1].

Рассмотрим разные по синтаксической и семантической структуре вопросы на примере стихотворений современных английских, американских и австралийских поэтов. Это позволит понять, каким образом нестандартность семантики вопросоответных единств и их прагматическая направленность способствует организации структуры художественного хронотопа.

Рассмотрим стихотворение А. Э. Хаусмена «Is my Team Ploughing?». Оно представляет собой речевое единство — диалог между умершим героем и его друзьями. При этом вопрос и ответ создают контраст двух альтернативных ситуаций: реальной, в которой друзья героя веселятся, работают и любят, и контрфактической, в которой верифицируется образ погибшего героя стихотворения:

«Is my team ploughing
That I was used to drive
And hear the harness jingle
When I was man alive?»
Ay, the horses trample,
The harness jingles now;
No change through you lie under
The land you used to plough.

Контрастируют два пространственно-временных плана — прошлое и настоящее, но в то же время они оказываются связанными неизменностью ситуации: как при жизни героя, так

и после его смерти все идет так, как было при нем. Ответ на вопрос узаконивает неизменное положение вещей. Таким образом, в этом стихотворении вопрос, выполняя стандартную коммуникативную нагрузку, одновременно приобретает дополнительный функциональный статус — подчеркивает резкий контраст контрфактического «возможного мира», в котором существует умерший лирический герой, продолжающий мыслить и чувствовать, и реального мира. То, что субъект задает вопрос, делает речевое действие более динамичным и одновременно подчеркивает оторванность героя от реальной ситуации.

В стихотворении Генри Лоусона «On the Night Train» вопрос осуществляет функцию реализации хронотопных отношений совершенно по-иному. Вот его первая строфа:

Have you seen the Bush by moonlight, from the train, go running by?

Here a patch of glassy water, there a glimpse of nasty sky?

Have you heard the still voice calling, yet so warm, and yet so cold:

«I'm the Mother Bush that bore you! Come to me when you are old?».

Она представляет собой типичный риторический вопрос — проявление «коммуникативной рефлексии» (термин Г. П. Мельникова), которая «...опирается на способность человека рефлексировать действительность, т. е. отражать в своем сознании явления окружающего мира и осмысливать результаты этого отражения» [2]. Коммуникативная рефлексия, по мнению Б. З. Лобачева, может регулировать распределение ролей между участниками коммуникативного акта по степени рефлексивной активности: определенная доля речевой деятельности отводится не только говорящему (пишущему), но и его потенциальному собеседнику. В стихотворении Лоусона использование личного местоимения you включает воображаемого читателя в «возможный мир» стихотворения.

Обилие описательных дескрипций, распространенных определений указывает на то, что это созданный творческой фантазией автора пейзаж, сопровождающий его размышления. По своей семантике вопрос напоминает знаменитую гоголевскую фразу об украинской ночи — побуждает читателя представить нарисованную авторским воображением картину. В целом речевое действие стихотворения направлено на автора: распространенный вопрос не предполагает ответа, он лишь создает определенную прагматическую презумпцию — воспоминание об австралийских степях, которые влекут к себе автора, уставшего от сутолоки больших городов.

В стихотворении У. де ла Мара «Echo» вновь реализуется нестандартная иллюкутивная функция вопроса. Приведем его первую строфу:

«Who called?» I said, and the words

Through the whispering glades,
Hither, thither, baffled the birds —
«Who called? Who called?».

Помимо того, что вопрос риторичен, фактически он представляет собой просто звуковой сигнал, который должен вызвать в ответ эхо. Повторяющийся вопрос становится особого рода символом своеобразного синестезического сдвига в ощущениях. Создаваемый с помощью повтора звуковой эффект эха рисует воображению уединенный уголок, окруженный скалами, где гулко раздастся произнесенная фраза (об этом же свидетельствуют и дейктические указатели на пространственные границы: *hither-thither, to, fro*).

Таким образом, в результате изменения семантики вопроса у создаваемого в стихотворении сложного образа проявляются новые оттенки, что дает дополнительные характеристики пространственно-временным отношениям художественного мира стихотворения.

Стихотворение В. Х. Одена «Barbed Wire» написано во время второй мировой войны. Идейным его стержнем является сквозная метафора — колючая проволока опутывает не только городские руины, но и души людей, мертвящий хаос отчуждает людей друг от друга, так же сковывают их разнообразные жизненные условности.

Across the plains,
Between two hills, two villages, two trees, two friends
The barbed wire runs which neither argues nor explains;
But where it likes a place, a path, a railroad ands,
The humour, the cuisine, the rites, the taste,
The pattern of the City, are erased.

Общий вопрос в последней строфе стихотворения реализует резкую смену коммуникативной и прагматической установки:

Behind the wire
Which is behind the mirror, our Image is the same.
...Is it our friend?
No; that is our hope.

После распространенных предложений, изобилующих единицами пространственного дейксиса, которые показывают, как проволока-паутина опутывает город, улицы, души, сознание людей, после цепочек, связанных бессоюзным сочинением однородных членов, которые, кажется, плетут ту же паутину, вопрос, прежде всего, служит средством текстовой отбивки, композиционной организации стихотворения. Он отделяет хронотоп первой части стихотворения, где все живое разобщено, сковано этими реальными и воображаемыми путями, от последней части, в которой появляется объединяющее местоимение *we*: надежда, живущая в душе человека, дает ему силы оставаться самим собой. Смена синтаксической структуры предложения подчеркивает контрастные отношения, в которых находятся разобщен-

ный внешний мир, где все люди отделены друг от друга стеной непонимания, и внутренний мир поэта, более гармоничный и цельный.

В стихотворении Мэри Гилмор «Ten Dead Leaves» вопрос представляет собой единственную смену синтаксической структуры на протяжении всего произведения, написанного под впечатлением ядерной бомбардировки Хиросимы в 1945 году. Параллельные синтаксические структуры развивают сложный образ — гибнущие в войне люди сравниваются с листьями, облетающими с дерева:

I saw the leaves fall:
Men in the jungle,
Men before the guns,
Men hurtling from the height,
Men shark-eaten in the sea.

Во второй строфе в ответ голосам, восхваляющим ядерный меч как орудие священного правосудия, раздается грозный голос бога. Он напоминает о десяти библейских заповедях, главная из которых «Не убий!» была так грубо нарушена:

Then God cried out to man:
«What of my Ten Commandments?»
And no man answered God.

Тем самым в художественный хронотоп стихотворения, в котором противопоставлены невинно страдающие жертвы и лицемерные сторонники ядерного убийства, вводится бог как символ высшей справедливости. Его вопрос — напоминание и предупреждение людям, забывшим о человеческом милосердии, — дополнительная коннотативная семантика. Таким образом в стихотворении происходит контекстуальное расширение семантики вопроса. Помимо того, что вопрос здесь создает композиционный центр стихотворения, он фокусирует его основную идею — о борьбе гуманизма и жестокости в современном цивилизованном мире, развивает и придает более глубокий смысл метафоре, пресуппонируемой в названии стихотворения. Ten dead Leaves — это не только гибнущие в ядерном смерче люди, питомцы всеобщего дерева — прародителя Земли, но и десять библейских заповедей, грубо попранные теми, кто совершил одно из ужасных преступлений века. Вопрос конструирует систему субъектных отношений в хронотопе стихотворения: картина вселенского хаоса — авторская реминисценция, вызывающая в воображении область с конкретными пространственно-временными параметрами (август 1945 года, Хиросима). Поэтесса вводит в стихотворение еще одного субъекта-наблюдателя — бога, голос которого, однако, смыкается с авторским. В результате структура хронотопа стихотворения включает амбивалентный субъектный компонент и образно переосмысленный пространственно-временной участок действительности.

Стихотворение К. Бреннана «How Old is My Heart?» явля-

ется типичным образцом лирики с внутренним адресатом. Рефлексивный риторический вопрос автор обращает к самому себе:

How old is my heart, how old, how old is my heart?

and did I ever go forth with song when the morn was new;

I seem to have trod on many ways, I seem to have left

I know not how many homes; and to leave each was still to leave a portion of mine own heart.

В названии стихотворения, как и в первой строке, задается тема и исходная точка для хронотопа стихотворения. Это отчасти подсказано семантикой ключевого слова heart—the inner, central, essential part of anything, the seat of emotion. Далее семантическая и ритмическая структура стихотворения создает своеобразную хронотопную структуру, где на первый план выдвигается сема дороги, долгого пути. Параллельные структуры, сочинительная бессоюзная связь, скопление однородных членов, выраженных существительными во множественном числе (homes, ways, winds, embers),— все это способствует созданию особой хронотопной структуры. Беспокойное сердце поэта не находит приюта ни в одном из временных пристанищ, но в скитаниях натура человека становится более цельной по мере того, как его сердце, душа мужает и закаляется в жизненных испытаниях — такова основная идея стихотворения. Хронотоп его развивается по спирали: на каждом жизненном витке человек постигает себя. Для нас в этом стихотворении также важна идиоматичность семантики вопроса. Он не требует ответа, поскольку поэт интересуется более глобальной, общечеловеческой проблемой; вопрос вводит узловый образ стихотворения, определяет центральную точку его хронотопа.

Особая роль вопроса в создании хронотопной структуры поэтического произведения обусловлена общими особенностями семантики вопросительного высказывания. Так, Н. И. Жинкин, анализируя семантику вопросительного предложения и высказывания, делает вывод, что вопросы — это сообщения со снятым предикатом первого ранга (он неизвестен, о нем задается вопрос) [3]. В стихотворении К. Бреннана первичная предикация *My heart is old* развертывается на протяжении всего произведения, составляя не только ядро его хронотопной структуры, но и основное информирующее содержание.

Большое место в синтактике поэтического произведения в силу познавательной ориентации лирического вопроса занимают вопросы-предположения: «По сравнению с устной обыденной речью вопросы-предположения в поэтической речи носят семантически развернутый характер: они содержат описания картины, образы, характеристики, сообщения о событиях, месте, причине, деятеле и т. д. Они... стремятся раздвинуть пространственные и временные границы воспринимаемого и воображаемого мира» [4]. По мнению логики Н. Белнапа, такой вид вопросов задает конечное множество альтернатив через свои аб-

страктные субъекты, причем это множество эксплицитно содержится в вопросе [5]. Субъект вопроса состоит из произвольного множества формул-альтернатив, которые и составляют область его значения. Прагматическая направленность этих вопросов также не совпадает с их стандартной коммуникативной функцией, так как они не предполагают ни ответа, ни выбора, а несут в себе «утвердительную» информацию, сообщают нечто новое. Форма таких вопросов позволяет перечислить различные аспекты темы, затрагиваемой в стихотворении. Картины и образы, отнесенные к плану настоящего времени, восприятие которых совпадает с моментом речи, часто принимают форму разделительных вопросов с частицей *or*; они «выражают альтернативу между реальностью и деятельностью воображения, провидения, фантазии, представлениями, хранящимися в памяти или рожденными из снов» [6].

Рассмотрим в качестве примера стихотворение Бернарда о'Дауда «Australia». Вот его первая строфа:

Last sea-thing dredged by sailor Time from Space,
Are you a drift Sargasso, where the West
In halycon calm rebuilds her fatal nest?
Or Delos of a coming Sun-God's race?
Are you for Light, and trimmed, with oil in place,
Or but a Will o'Wisp on marshy quest
A new demesne For Mammon to infest?
Or lurks millennial Eden 'neath your face?

Содержание вопросов составляют многочисленные описательные структуры, характеризующие Австралию как одну из наиболее обособленных частей света. Включенные в них топонимы создают богатую основу для сравнения. Австралия уподобляется Делосу — священному острову древних греков или плавучему острову в Саргассовом море, чем подчеркивается ее обособленность от остального мира. Во второй строфе развернутое сравнение создает персонификацию, уподобляя страну некоему мифическому существу-женщине (об этом свидетельствуют характеризующие словосочетания *your face, forehead-sky, knees*). Параллельно с созданием сложного образа альтернативные ряды содержат имплицитно выраженные локально-темпоральные характеристики этой страны: *Are you a drift Sargasso where the West...* Здесь дается беглый очерк всей истории Австралии, колонизированной западными переселенцами, часто в результате жестокого уничтожения аборигенов. *Or but a Will o'Wisp on marshy quest?* — в этом вопросе семы *Will o'Wisp, marshy* характеризуют особенности природы Австралии. В то же время графическая маркировка слова *Will o'Wisp* дает возможность сохранить и его переносное значение (*elusive or misleading hope*).

Семантика высказываний, выражаемых здесь альтернативными рядами, проанализирована подробно, чтобы показать, как

поэт ищет основы для уподобления предмета стихотворения, как создает хронотоп, в котором настоящее референта — Австралии соотносится не только с прошлым этой страны, но и с мировой историей. Вокруг предмета стихотворения создается цепь подобий, по-особому характеризующих особенности его хронотопа.

Специфичной для поэтического произведения, как и для любого художественного текста, является та перестройка семантических функций высказывания, его прагматической целеустановки, которая происходит в нем в силу особой эмотивно-эстетической направленности художественного текста как сложного речевого произведения. Поэтому представляет интерес рассмотрение вопросов с нестандартной синтактикой — косвенных и «скрытых» (т.е. не выраженных с помощью грамматических средств).

Стихотворение В. Х. Одена представляет собой высказывание с нестандартной иллокутивной функцией. Пресуппозиция, заложенная в названии — «The Question», задает коммуникативное намерение автора, однако в тексте это намерение осуществляется с помощью нестандартных языковых единиц. Вопрос, заложенный в стихотворении, выражен не с помощью вопросительных предложений, а посредством повествовательных структур, в ряде случаев включающих косвенные вопросы. Таким образом, текстовая коммуникация представляет собой косвенный речевой акт. Предложения с декларативной структурой употребляются в значении вопроса.

В стихотворении воссоздается не только вопросоответное взаимодействие субъектов текстовой коммуникации, но и экстралингвистические характеристики речевой ситуации:

To ask the hard question is simple.
Asking at meeting
With the simple glance of acquaintance...
But the answer
Is hard and hard to remember.
On steps or on shore
The ears listening
To words at meeting,
The eyes looking
Are never sure
Of what they learn
From how these things are done.

Вопрос и ответ, так явно и не выраженные в тексте стихотворения, однако, становятся его идейным стержнем: это вечный диалог влюбленных о настоящей и минувшей любви. Скрытый вопрос используется здесь для того, чтобы создать диалог двух имплицитно подразумеваемых собеседников в общем для них «возможном мире», характеризующемся связью с прошлым и настоящим. Выраженная непрямым образом прагматическая

направленность способствует своеобразию ролевой структуры акта художественной коммуникации и созданию особого рода поэтического диалога.

Итак, рассмотрев на материале англоязычной поэзии функционирование вопроса в поэтическом тексте и его роль в организации структуры художественного хронотопа, можно сделать некоторые выводы.

В силу особенностей поэтического семиозиса как языковая, так и семантическая структура эротетических (вопросительных) предложений часто становится идиоматичной. Эта нестандартность проявляется прежде всего в квазивопросах (риторических вопросах). Участвуя в создании хронотопной структуры произведения, эта синтаксическая структура может уподобляться лексическому знаку или даже знаку вообще и давать дополнительные характеристики пространственно-временным отношениям. Вопрос может выделять центральный в пространственно-временном отношении объект внутри хронотопа, а также определять ролевые характеристики участников поэтической коммуникации и их место в структуре «возможного мира» стихотворения. При этом предложения с вопросительной целеустановкой не обязательно содержат интеррогативы: эротетическое намерение может выражаться языковыми средствами самых различных уровней.

В зависимости от синтаксической разновидности вопроса меняется его роль в организации хронотопной структуры. Так, общие вопросы не просто требуют сведений о какой-то предметной области мира, но и определяют, характеризуют его. Альтернативные ряды создают цепочки подобий, которые имеют сложные поэтические функции: намечают границы и связи между внутренним миром поэта и внешним миром, настоящим, прошлым и будущим. Риторические вопросы нередко создают эффект отстранения: предмет речи характеризуется как бы со стороны, хронотоп его — нечто видимое на расстоянии. При этом в вопросительных структурах проявляется общая тенденция поэтической речи к проникновению предикации в структуры, предназначенные для других коммуникативных целей [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // Вopr. литературы. 1974. № 3. С. 133.
2. Лобачев Б. З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики — 1981. М., 1983. С. 23.
3. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 47.
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 135.
5. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981. С. 30.
6. Ковтунова И. И. Указ. соч. С. 140.
7. Ср.: Там же. С. 146.